

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея данного сборника берет начало в исследовательском семинаре «Религия и политика», который проходил на факультете истории Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2006–2007 гг. Перед участниками семинара стояла двуединая задача — использовать новации в сфере истории религии и религиозности для обновления повестки дня политической истории и в то же время попытаться найти новые социальные и культурные контексты для изучения религиозно мотивированного действия в истории. На семинаре был представлен целый ряд докладов, вызвавших оживленные дискуссии, но по разным причинам лишь немногие докладчики подготовили тексты к публикации в сборнике. Большая часть помещенных здесь статей принадлежит перу авторов, которые уже по завершении семинара откликнулись на разосланное редакторами приглашение, написанное с учетом результатов прошедших дискуссий. Такое сочетание планомерности и случайности в процессе подготовки сборника дает основание предположить, что его содержание отразило круг интересов, предпочтений и методов довольно широкой референтной группы нашего факультета, объединяющей историков, которые изучают прошлое в религиозной перспективе.

Прежде всего надо заметить, что ограничение тематики православием и вообще христианством, пусть и преимущественно на российском материале, не было изначальным замыслом редакторов. Напротив, мы надеялись, что под одной обложкой будут гармонично соседствовать работы специалистов по разным религиям, которые позволили бы сравнить, например, представления о святости у православных и мусульман или адаптацию еврейских и католических духовных лидеров к государственному контролю в имперской России. Но в конечном счете получилось так, что в сборник вошли статьи, целиком или частично посвященные проблематике православия, его практик и институций (будь то официальная церковь или же старообрядческие общины). Хотя доля вины за слабость компаратива, несомненно, лежит на редакторах,

сказалось также и более масштабное обстоятельство — своего рода проекция межконфессиональных границ на сообщество историков, занимающихся религиозными сюжетами: специализации внутри этого поля все еще ощутимо отгорожены друг от друга. Русистика же, в свою очередь, в силу академической традиции, а отчасти и институциональной инерции продолжает отождествлять себя с приоритетным изучением православия, несмотря на происшедшую в последние два десятилетия экспансию предмета российской истории.

Такое положение дел можно видеть и на примере новейших коллективных трудов по истории религии в Российской империи, изданных западными коллегами. Назовем два таких сборника — «Повествования о сакральном: Религия и духовность в России Нового времени» (под редакцией М. Стайнберга и Х. Коулман) и «Небесные письма: Народная религия в России и на Украине» (под редакцией Дж.-П. Химки и А. Заярнюка)¹. Заглавия обоих изданий подразумевают широкую трактовку религиозных феноменов — и действительно, в них рассматриваются стандарты благочестия и обличья набожности, до этого игнорировавшиеся в русистике (и украинистике), новаторски анализируются внеинституциональные формы религиозной жизни, раскрываются неожиданные взаимосвязи между спиритуальными устремлениями и миром социального, убедительно релятивизируется привычное противопоставление духовенства мирянам, сакрального — профанному и т. д., но ядро и в том, и в другом сборнике составляют статьи о православии, а объяснению сходных тенденций в разных конфессиях отводится совсем немного места.

Настоящий сборник, к сожалению, прорыва в этом направлении не совершает. Тем не менее, проблематика взаимоотношений православной церкви и верующих с другими вероисповеданиями в эпоху империи в нем представлена. Наиболее конфликтными, как известно, эти взаимоотношения становились на окраинах империи, одна из которых — так называемый Западный край — попадает в фокус статей И.Н. Вибе и М.Д. Долбилова, вместе охватывающих немалый отрезок времени. Первая из этих двух работ реконструирует столкновения российских чиновников и православного духовенства с местными дворянами-католика-

¹ Sacred Stories: Religion and Spirituality in Modern Russia / Ed. by Mark D. Steinberg and Heather J. Coleman. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2007; Letters from Heaven: Popular Religion in Russia and Ukraine / Ed. by John-Paul Himka and Andriy Zayarnyuk. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2006. В первом из этих сборников вышла статья Г. Фриза, полная версия которой с разрешения Indiana University Press печатается в переводе в настоящем издании.

ми (в большинстве поляками/польскоязычными) по поводу обращений православных крестьян в католичество, «господскую веру», после восстания на землях бывшей Речи Посполитой 1830–1831 гг. и накануне официального упразднения греко-униатской церкви, еще одного участника межконфессионального соперничества. Вторая статья прослеживает динамику знакомства имперских властей с римским католицизмом уже после восстания 1863–1864 гг., когда чиновники и поддерживавшее их православное духовенство встретились «у себя в России» с типичным для европейского католицизма второй половины XIX в. ренессансом массовой религиозности и должны были корректировать свои представления о «латинстве» как вырождающейся патрицианской религии. С этими сюжетами перекликается и тот раздел большой публикации Г. Фриза, где православно-католические трения в том же регионе — но уже в начале XX в. — описываются как фактор бракоразводных процессов, регулируемых синодальной церковью.

В целом, эти статьи освещают ситуации, в которых критерии конфессиональной, этнической и сословной идентичности сплетались в тугой узел, что требует от историка, не желающего сводить религию к ее социальным функциям (вера как стимул национального движения, конфессия как рычаг государственного управления и др.), повышенного внимания к представлениям своих героев о вероисповедных ценностях и к специфике религиозных практик. Выбор же тремя названными авторами имперской периферии в качестве географической рамки исследования созвучен все чаще высказывающемуся в историографии постулату о том, что характерную для дореволюционной России диалектику веротерпимости и религиозной дискриминации нельзя понять без учета особенностей российского империостроительства (как, впрочем, и без сравнения с другими империями)².

В интересном ракурсе тема взаимосвязи религии, национализма и государства предстает в статье М.В. Шкаровского³ — единственной

² См. об этом: *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России первой четверти XIX в. Саратов, 2002; *Of Religion and Empire: Missions, Conversion, and Tolerance in the Russian Empire* / Ed. by M. Khodarkovsky and R. Geraci. Ithaca: Cornell University Press, 2001; *Werth P.* Imperiology and Religion: Some Thoughts on a Research Agenda // *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* / Ed. by K. Matsuzato. Sapporo: Slavic Research Center at Hokkaido University, 2007. P. 51–67.

³ См. его наиболее известные работы: *Шкаровский М.В.* Русская Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999; *Его же.* Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002.

в сборнике, выводящей нас за пределы конвенционально очерчиваемой российской истории. Написанная в русле достаточно традиционного институционального подхода и при этом основанная на уникальных архивных материалах, статья рассматривает попытки православных клириков и мирян в хортистской Венгрии и оккупированном нацистской Германией Закарпатье решить проблему канонической церковной юрисдикции. Борьба внутри этнически пестрого конгломерата единоверцев за право подчиниться той, а не другой иерархии помогала им защищать национальные и политические интересы и одновременно становилась фактором в переделе воюющими государствами территорий и сфер влияния: как показывает Шкаровский, включение освобожденного от нацистов Закарпатья в состав СССР было инициировано русским по самоидентификации духовенством местной православной епархии.

* * *

Ряд статей в данном сборнике хорошо передает недоверие, разделяемое ныне немалым числом историков России, к генерализациям о коллективном религиозном опыте, «соборности», православной культуре или ментальности как некоем едином целом и пр. Как правило, этому скепсису сопутствуют сдержанность в аксиологических суждениях и уклонение от эмоционально нагруженных оценок. Поиску релевантной своему материалу интерпретативной парадигмы авторы предпочитают своеобразную прозаизацию религиозной проблематики в истории, достигая этого посредством детального, отстраненного изложения фактов и обстоятельств, зафиксированных в официальной документации или прессе. Пожалуй, на сегодняшний день это не худший для историка способ показать рутинную вездесущность — но и разноликость — религиозного в повседневной жизни людей прошлого.

Ю.В. Волошин пишет о том, как старообрядческие верования и правила общежития оставили след в сугубо локальном раздоре по житейским делам, не имевшим, казалось бы, прямого отношения к религии. Вообще, надо отметить, что тема церковного раскола XVII в. еще ждет основательного переосмысления. Интерпретация этого феномена, предложенная Н.Ф. Каптеревым, оказалась наиболее живучей, и трактовки современных историков так или иначе вращаются вокруг этой схемы, созданной более ста лет назад. Из обобщающих отечественных работ последнего времени следует назвать монографию П.С. Стефановича, посвященную приходскому духовенству, и биографию патриарха Ни-

кона, написанную С.В. Лобачевым⁴. Один из участников данного сборника, Е.С. Гришин, делает попытку применить методы истории понятий к изучению внутрицерковной борьбы, приведшей к расколу.

Вполне закономерным является и то, что некоторые сюжеты церковной истории конца XVII в. получили оригинальную и талантливую интерпретацию в работах, напрямую не связанных с церковной историей. Самый яркий пример — фундаментальная монография П.В. Седова⁵.

Статья О.М. Журавлевой рассматривает церковно-судебную практику митрополита Филарета (Дроздова). Удивительно, что этой, безусловно, самой крупной фигуре русского православия XIX в. до сих пор не посвящено ни одной научной монографии.

В последнее время актуальной стала и тема православной церкви в российских революциях⁶. Оживленную полемику в научной и церковной среде вызвали работы М.А. Бабкина, как представляется, чрезмерно политизированные⁷. В настоящем сборнике тему «церковь и революция» представляют статьи Т.А. Павленко и П.В. Гордеева, затрагивающие, казалось бы, частные, но в то же время важные сюжеты. Павленко, анализируя мотивы забастовочного движения учащихся православных семинарий начала XX в., отмечает, что даже секулярно настроенные семинаристы хотя бы какое-то время надеялись наладить диалог с высшими органами церковного управления и добиться именно от них санкции на реформу. Гордеев указывает на сравнительно успешную адаптацию религиозных общин (не только православной) к политическим последствиям Февральской революции и сохранение в новых условиях прежнего религиозного обихода не где-нибудь, а в податливом на лево-радикальную пропаганду Кронштадте.

Об адаптации к послереволюционной и советской действительности речь идет и в статье Н.Г. Кедрова, посвященной православным

⁴ Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII вв. М., 2002; Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003. Ср. оригинальную работу американского автора: Michels G. At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford: Stanford University Press, 1999.

⁵ Седов П.В. Закат Московского царства. СПб., 2006.

⁶ Надо сказать, что и в советское время появились основательные работы по этой теме; идеологически «выдержанные» заглавия, которые приходилось им давать, не должны вводить в заблуждение современного читателя. См. в особенности: Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.

⁷ Бабкин М.А. Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (Начало XX в. — конец 1917 года). М., 2007. Ср.: Rogoznyy P.G. Церковная революция 1917 года. СПб., 2008.

монастырям русского Севера и Северо-Запада, — их выживание или преобразование в приходы, как показывает автор, происходило подчас с поощрения местных органов новой власти, не спешивших буквально исполнять антиклерикальные директивы центра.

Важной и, к сожалению, еще малоисследованной темой является антирелигиозная и атеистическая политика Советской власти. Большинство современных авторов сосредотачивают свое внимание на ее репрессивной составляющей — таких мерах, как изъятие церковных ценностей, вскрытие мощей, закрытие храмов, аресты священнослужителей. Между тем вне поля зрения остается атеистическая «работа в массах», которая, надо признать, имела большой успех. Как раз этот сюжет затрагивает публикуемая в сборнике статья С.Л. Фирсова⁸.

* * *

Тяга историков к изучению социальных аспектов и импликаций религиозного, приносящая любопытные плоды, покуда гармонирует с исследовательским инстинктом, «практическим чувством» новизны материала, может, однако, обуславливаться и тем, что в их распоряжении нет современного инструментария для нередукционистского исторического анализа духовной сути религии, т. е., попросту говоря, перемен в содержании верований и смысле обрядов, в соотношении вероучения и религиозных практик и т. д. А овладеть таким инструментарием без усиленной методологической рефлексии, полагаясь лишь на архивное чутье, едва ли возможно. Лишь в некоторых статьях сборника затрагиваются вопросы, связанные с богослужением, молитвой, исповедью, почитанием святых. Приходится признать, что в данной области исследований освоение методов других дисциплин, в особенности антропологии религии, результативность чего впечатляюще продемонстрирована в последнее время несколькими монографиями⁹, осознается как насущная задача явным меньшинством «цеховых» историков.

⁸ Одна из недавних книг этого исследователя также посвящена атеистической политике государства: *Фирсов С.Л.* Апостасия: Атеист Александр Осипов и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь. СПб., 2004.

⁹ *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740. М., 2000; *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003; *Shevzov V.* Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2004; и др.

Отсюда читателю будут понятнее просветительские соображения, побудившие редакторов сборника предоставить возможность столь объемистой публикации американскому исследователю истории православия в России Грегори Фризу. Мы исходили из того, что в американской русистике Фриз олицетворяет историографическую традицию, которая органично сочетает внимание к методологии, искусную проблематизацию, эвристическое конструирование предмета исследования — с исключительной плотностью эмпирической аргументации и тем, что российские историки любят называть источниковедческой основательностью. И тем досаднее, что на русский язык пока переведено не так уж много работ этого историка¹⁰. В публикуемой ниже статье Фриз, рассматривая фактическую монополию синодальной церкви (как актора, не тождественного государству) на контроль за браком и разводом в позднеимперский период, показывает крупным планом швы, стягивающие секулярное и религиозное в ткани социальной и культурной жизни.

Отношение мирян к церковной власти над разводом вобрало в себя целый спектр конфликтов того времени — эрозию официальной версии православного вероучения, секуляризацию представлений о семейном счастье, гендерные противостояния внутри и вне семьи, социаль-

¹⁰ Фриз Г. Церковь, религия и политическая культура на закате старого режима // Реформы или революция? Россия, 1861–1917. М., 1992; *Его же*. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет: Императорский период. Самара, 2000. С. 121–162; *Его же*. Открывая заново православное прошлое: микроисторический подход к религиозной практике в России периода империи // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 11: Смена парадигм: современная русистика. СПб., 2007. С. 369–395. Две его монографии о приходском духовенстве и церковной политике в имперской России, вышедшие более четверти века назад, остаются в этой области, пожалуй, непревзойденными по концептуальности и систематичности изложения, соединенной с мастерством обработки огромного массива источников: *Freeze G.L. Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1977; *Idem. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton: Princeton University Press, 1983. Это и смежные с ним направления штудий представлены и в ряде работ российских историков: *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996; *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999; *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX в. М., 2002; *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен. М., 2002; *Алексеева С.И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904 гг. СПб., 2003; *Нукулин М.В.* Православная церковь в общественной жизни России (середина 1850-х — середина 1870-х гг.). М., 2006; и др.

ную поляризацию, политическую оппозиционность¹¹. Статья Фриза вносит лепту и в теоретическую дискуссию о концепте «народная религиозность», начавшуюся в западной науке еще три десятилетия назад, но не вполне исчерпавшую себя и сейчас¹². Соглашаясь с выводами о чрезвычайной упрощенности дихотомий «элитарной» и «народной», «сознательной» и «спонтанной» веры, «правильного» вероучения и «профанного» толкования и других подобных, Фриз, тем не менее, предостерегает историков религии от другой крайности — представления об открытом произволу интерпретаций, неструктурированном континууме верований, эмоций, обычаев. Его анализ убедительно показывает, что и в начале XX в. различия между клиром и мирянами, между образованной элитой и непривилегированными слоями воспроизводились в зачастую контрастных вариациях воззрений на брак (как таинство и как социальный институт), стратегий его расторжения, способов коммуникации с церковной властью. Таким образом, необходимость реконструкции и «насыщенного описания» социального контекста и культурной среды, в которых действуют носители религиозных убеждений и чувств, кажущихся неповторимо индивидуальными, делает задачу историка религии сколь трудной, столь и увлекательной.

Нам остается выразить надежду на то, что сборник послужит развитию диалога между представителями разных школ и направлений в изучении истории религии.

Михаил Долбилов, Павел Rogozный

¹¹ Эти сюжеты обстоятельно трактуются и в монографии российской исследовательницы: *Белякова Е.И.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. См. также главы, специально посвященные вопросам заключения и расторжения брака (среди дворян как православного, так и других христианских вероисповеданий), в монографии: *Веремченко В.А.* Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX — начало XX в.). СПб., 2007.

¹² См.: *Лавров А.С.* Русская религиозность в отечественной историографии // Русская религиозность: проблемы изучения / Сост. А.И. Алексеев, А.С. Лавров. СПб., 2000; *Левин И.* «Двоеверие» и народная религия // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Московской и Киевской Руси. Самара, 2001. С. 259–283; *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. Гл. 1; *Штырков С.А.* После «народной религиозности» // Сны Богородицы: Исследования по антропологии религии / Ред. Ж.В. Кормина, А.А. Панченко, С.А. Штырков (Серия *Studia Ethnologica*. Вып. 3). СПб., 2006. С. 7–15.